

ИГОРЬ УВАРОВ

ДРЕВНЯЯ КНИГА

ПРЕОБРАЖЕНИЕ УЖЕ
НАЧАЛОСЬ

Игорь Уваров

**Древняя книга.
Преображение уже началось**

«Издательские решения»

Уваров И. Е.

Древняя книга. Преображение уже началось / И. Е. Уваров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851917-8

То ли сотворение мира, то ли его перерождение. Первые главы, своего рода околониблейское фэнтези, показывают путь духовных исканий в сердце человека. В последней главе в формате хронологического хаоса описывается история трёх друзей. Вот 12 век до н.э., Синайская пустыня. Судьба разлучила мальчишек. Но их пути схожи: они верны принципам веры, любви и надежды. Они верны своему Господу. Они вершат историю.

ISBN 978-5-44-851917-8

© Уваров И. Е.
© Издательские решения

Содержание

«Я древний мир себе таким представил»	6
«Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло»	6
«В раю во время прохлады дня»	8
«Ибо крепка, как смерть, любовь»	11
«Кто согрешит тем, что слышал голос проклятия»	14
«Сильный столкнулся с сильным, и оба вместе пали»	16
«И за преступников сделался ходатаем»	18
«Не горело ли в нас сердце наше»	21
«От тщеславия твоего ты погубил мудрость твою»	25
«И дал дары человекам»	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Древняя книга Преображение уже началось

Игорь Евгеньевич Уваров

© Игорь Евгеньевич Уваров, 2017

ISBN 978-5-4485-1917-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Так сказал Господь: если ты обратишься, то Я восставлю тебя, и будешь предстоять пред лицом Моим; и если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста. Они сами будут обращаться к тебе, а не ты будешь обращаться к ним.» (книга пророка Иеремии 15:19)

*«Я древний мир себе таким представил,
Не понимая замыслов Творца,
Я нёс свой взгляд нечистыми устами
Бесцельно заблудившимся сердцам.*

*Читал, и образы иные оживали,
Бог говорил, как есть, я возражал.
Не насыщались, кто мой хлеб жевали,
Нелепой выдумкой я разум заражал.*

*Преодолеть и стать ещё сильнее,
С гордыней мнения пытаюсь совладать,
Я к Богу обратился, но не смея
Надеяться на Божью благодать.*

*И сам черпал из сердца вдохновенье,
Желая мир, как лучшее, повернуть,
Но увязал в болотище сомнений,
Пока не предал Господу свой путь.*

*Всё возвращалось на места, как нужно.
Вот, небеса открыты надо мной,
Вот, дождь – я с Папой за руку по лужам,
Счастливым, направляюсь к нам домой.»*

(«Покаявшийся», 2015)

«Я древний мир себе таким представил»

«Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло»

И заступил Он на Свою землю. Иссохший дёрн и репы, крапива и сухие палки пижмы выстилала её полотно. Поодаль непроходимый бурелом навивал тоску, источая ужас вековой тьмы. Редкий кузнечик мог заглушить крики ворон, сторонящихся здешних мест, и солнце с неохотой закатывалось в эту глушь. На месте ручья не было ничего.

«Какая же красота!» – вдумчиво произнёс Он.

И стала земля прекрасной... Его сердце начало разгораться непередаваемой радостью и запылало, глаза блестели искрами, его окружила аура Света и Огня. Он шёл по бурелому, а за ним тянулся светящийся шлейф, распространяя Свет. В лес вернулось Солнце, и тьма расступилась... Тогда прикоснулся Он к камням и песку, изображавшим землю, и обратились они почвой плодородной, Земля просыпалась... И дыхание Его разнесло по всему свету чистый Воздух, разгоняя дымные облака, клубящиеся по следу горящих полей... А слёзы Его счастья падали в Землю и стекались в единый ручей. И вот уже бурный поток уносил Воды в прекрасное озеро Вискара, возникшее на месте болотистого оврага...

И посадил Он великие Сады. Как Он любил их. Они росли, они дышали и жили вместе с Ним: каждое деревце, каждый листочек и лепесточек цветка. Он разговаривал с ними, они отвечали Ему, они тоже любили Его, своего Создателя...

В Его Садах появились чудесные звери-животные: добрые и свободные. Они гуляли под великолепное пение звонкоголосых птиц. И в Его озере плескались золотые рыбы. Все они любили своего Творца. Его окружал Рай...

Никто сейчас уже, наверное, не вспомнит, когда в Его хижину (это была небольшая расщелина в скалах) зашли бродяжки. Мальчик и девочка – худые, грязные и продрогшие. Была пасмурная ночь, и гроза изредка рассекала установившуюся гармонию темноты с тишиной. Он не спал, Он думал, о неведомом нам. И Он видел, как далеко за холмами приближаются к Его приюту две потрёпанные фигурки, они видели только дорогу перед собой. Наконец туча не выдержала и прорвалась. Не позавидуешь тому, кто ощутил этот ливень не себе, а такие были. Промочив всё и ковыляющих беспризорных детей до последней нитки, вдобавок Природа ещё хорошенько проветрила их. Озябшие, они просили о милости, во имя всего Святого. Но вышел Он из своей малозаметной пещерки, поросшей высокими кустами. Вышел Он, вселяя Веру в лучшее и Надежду на спасение. Вышел он с Любовью в сердце, даровав её каждому. Вскоре, согрешившись в его пещерке, дети уже спали с неподдельным счастьем на лицах...

На следующий день мысли не беспокоили Его, и Он мог отдохнуть, может быть в последний раз.

Однажды Арон (это имя сохранила история за мальчиком, пришедшим в ту ночь к Нему) расскажет Ему историю встречи с Ярой (как стоило уже догадаться, это имя той самой девочки, которая была с Ароном).

Потрёпанный жизнью и подранный бродячими собаками, он не ведал пути. Он – маленький Арон – заночевал на опушке леса в кустах орешника, там же и подкрепился. Утром он захотел пить и стал искать ручей. Это была горная речушка, разбиваясь о камни в брызги, она спешила к водопаду. Арон наклонился, чтобы насладиться прохладной влагой, как увидел дальше вниз по течению в реке барахтающееся полубезжизненное тельце, хладнокровно уносимое в пучину водопада. По камням и заваленным деревьям он добрался до водопада и, когда уже казалось, не было шансов на спасение, он схватил рукой лохмотья, тонувшей малышки. Он вытащил её на берег и в своей беспомощности стал молиться. Он просил спасения для

маленькой девочки, лет пяти, а самому ему было тогда всего восемь лет. Он призывал людей, просил небеса, просил весь свет помочь спасти её. И она ожила. Это произошло примерно за год до появления этих детей в Его Садах.

Годы стирали предшествующие. Повзрослел Арон, подросла Яра. Они уже не помнили о том, как попали сюда, а Его они считали своим Отцом, а ведь было в этом Зерно Истины.

Как любили Арон с Ярой гулять по Его Садам. Это прекрасное созерцание покоя, эта умиротворённая музыка природы, когда «смысл» становится лишним словом. Он разрешал им есть любые плоды, играть с любыми животными, только не причинять им вред. Даже мысли об этом не было в их головах.

«В раю во время прохлады дня»

Арон стоял под яблоней и наблюдал за сочным и красным яблоком, почти на самой верхушке дерева. Обычно так он просил у яблока спуститься к нему. Но это, упрямое, долго висело и как будто отзывалось: «Я ещё немного дозрею и стану самым вкусным».

– Ну, и ладно, – подумал Арон, – вот же есть ещё яблоки.

И, звонко веселясь, три яблока упали к нему под ноги. Он поднял их и побежал к Яре. Она в это время отдыхала на полянке, о чём-то перешёптываясь с ромашками. Сначала она услышала шорох, привстала и заметила, как от кустов в её сторону кто-то еле ползёт. На змею не похоже что-то. Всё ближе и ближе, пока она не смогла разглядеть в нём подобие человека. Это был дряхлейший старикашка с мутными глазами.

– Помогите, – шипел он, – воды.

Она зачерпнула в лист лопуха воды из озера и подала ему. Он отхлебнул, после чего его стошнило.

– О, я случайно, – сказал он.

И эту картину уже наблюдал Арон.

– Кто вы? – спросил он у старика.

– Я кто? Моё имя совсем вам не знакомо, а те, кто знает его, обращаются ко мне Могацишо, что означает в наших краях «Украденная жизнь». Может, вы мне дадите поесть, добрые люди? Если бы вы знали, как долго я не ел.

«А стошнило так, всё равно, что с утра до отвала наелся», – подумал Арон, но ответил:

– Вот, угощайтесь, яблочки.

– Ага, о-очень признателен, – огрызнулся дед тоном, будто слышал мысли Арона.

– А что с вами случилось? – продолжила разговор Яра.

– Да так, неприятности там всякие, – начал было Могацишо, но перевёл разговор, – у вас здесь мило, чьё всё это?

– Хотите, будете нашим гостем? – отвечала вопросом на вопрос Яра.

– Всё это общее! – дружелюбно добавил Арон.

Уловив мотивы добродушия в словах Арона, Могацишо разговорился, поведав о своей нелёгкой участи: как он ещё парнем пошёл в лес и заблудился. Долго ли коротко ли бродил, но вышел из леса древним старцем. «Казалось, что прошло сто дней, а прошло сто лет. Нет, не знаю, что ел, не помню, что пил, и пил ли я, но вот я здесь. И проклиная этот лес, эти спокойные небеса и ваш юношеский задор».

– Я сожалею, – сказала Яра.

– Нет, не ты сожалеешь, девчонка, а я, – возразил старик, доедая яблоки.

– Чем мы могли бы вам помочь, Могацишо, – поинтересовался Арон, чувствуя за собой вину, когда помышлял о причинах тошноты старика.

– Просто разрешите мне остаться здесь хоть на денёк, до завтра, – будто бы дожидаясь этих слов, сказал Могацишо.

Ни день прошёл, ни два – две недели уже минуло, а старик всё оставался. Хозяин Садов наблюдал за ним, но они не общались.

Теперь Арон всё дольше стоял под яблоней в ожидании своего великолепного яблока, но оно продолжало твердить: «Погоди, ещё не время». Тогда Яра подошла к Арону и сказала:

– А ты сорви его, вон Могацишо советует, и правильно, что оно висит, всех соблазняя, сорви Арон.

– Могацишо, говоришь, советует? А что? Сорву, правда, – согласился Арон и полез на дерево.

Путешествие было недолгим, яблоня раскачалась и скинула наглеца на землю.

– Не, так ты не сорвёшь, – включился Могатишо, – на, возьми Камень и сбей, – и протянул камень.

Но Арон, не заметив этого, поднял камень с земли и запустил. Камень скользнул мимо. Яра, глядя на это, выхватила булыжник из рук Могатишо и кинула сама. Смачно булыжник раскрошил яблоко, только ошметки мякоти окропили их лица. В это время упал камень, брошенный Арон, и попал точно в лоб Могатишо. Удручённые происшедшим Арон и Яра сидели, словно в прострации, думая о чём-то.

– Да, не поели яблочка, обидно, – подытожил Могатишо, потирая лоб.

Прошло ещё две недели. Хозяин Садов наблюдал за Могатишо из своих пещерных покоев, но не выходил.

Могатишо подошёл к молодым, достал два венка из одуванчиков и сказал:

– Смотрите, это вам, я сплёл.

Они заинтересовались.

– О, интересно! Покажи как, – спросили они в один голос.

– Ну, вот же, рвёшь цветок, – он сорвал тюльпан, – потом ещё один, сплетаешь с другим. Всё просто.

– Ну-ка, – воскликнул Арон, схватив розу, потом крапиву, и, получив неприятную порцию боли, отпрянул. «Что это с ними?» – подумал Арон, – обычно такие нежные.

– А у меня получится, – самонадеянно восклицала Яра, припоминая яблоко и камень, схватившись за стебель татарника, привлекающий красными цветочками, – ой, ай, я, кажется, тебя Арончик понимаю.

– Не торопитесь, – встрял Могатишо, – вот вам на первый раз Перчатки, рвите в них.

Они надели перчатки и сорвали по колокольчику. Но потом, замечая, что цветок засыхает, Арон возопил:

– Что, что такое, колокольчик вянет, Ярочка, мы больше не услышим его песен.

– И мой, посмотри, тоже, о нет, – поддержала Яра.

И колокольчики на прощанье в канон запели, подчиняясь очень печальной мелодии: «Всё по-прежнему, и Солнце не спряталось, а я ухожу один, и я один-дин-динь...»

– Я никогда не слышала таких грустных песен, – плакала Яра.

Арон обнял её.

Минуло ещё два месяца, Могатишо, очевидно, окопался здесь надолго. А Хозяин Садов всё наблюдал, Он намеренно не хотел знакомиться с Могатишо и терпел, у Него не было сил попрекнуть Своих любимых детей Арона и Яру.

Могатишо, ссылаясь на общую слабость, просил Арона принести поесть. Принёс Арон плодов-овощей разных: капусту, морковь, репу, – и протянул их старику. Яра бегала, собирала жёлтые листья опавшие с деревьев. Она уже перекусила морковкой, да и Арон успел стрепать капустки.

– Подите сюда, – сказал дряхлый Могатишо, – давайте поедим вместе.

– Не понял, зачем? – спросил Арон.

– Ну, на прощанье, я ухожу завтра, – упрашивал немощный.

– Всё равно не понял зачем, но давайте, – пробормотал Арон.

А Яра подумала: «Завтра, значит. Тогда ведь он тоже говорил на денёк, завтра, вроде как, исчезну, ан нет». Будто бы услышав это, Могатишо добавил:

– Теперь точно завтра.

Они сели на землю, разложили овощи. Старик кряхтел, вертелся и, наконец, сказал:

– Так не удобно. Земля сырая что ли? Ноги все отсидел, нагибаться за пищей. Давайте свалим сосну. На пень еду положим, а сами на её ствол сядем.

– Да нет, не будем, – воспротивился Арон.

– Ну, что вам стоит уважить старика, – начал всхлипывать Могатишо, – ведь я должен был быть таким же молодым как вы, я бы сам справился, а вместо этого я дед, пледом одет. Кому она нужна – эта сосна? – он нереально ловко вскочил, достал откуда-то из штанов Топор и начал рубить. Потом захрипел и свалился, – ну, пожалуйста.

Яра не выдержала:

– Смотри, Арончик, дед совсем... аж упал, ну, вот, – она взяла топор, ударила один раз по сосне, – давай, ну, помоги ему.

– Да, да, помоги мне, внучек, я же дед, ну же, – вкрадчиво уговаривал Могатишо.

Арон, поддержав Яру, взял топор и одним махом срубил сосну.

– Так, да. Вы этого просили, Могатишо? – грозно воскликнул Арон.

Но Могатишо не было, он исчез. Тогда выбросил Арон топор этот куда-то и, обращаясь к Яре, произнёс:

– Что это, где он? Вроде бы всё также, но что-то изменилось.

– Мне страшно, – отозвалась юная Яра.

Они опомнились и побежали в Его пещеру, но пещера была пуста, Его больше здесь не было. «Случилось что-то очень плохое, – догадывались они, – что-то непоправимое».

«Ибо крепка, как смерть, любовь»

Вскоре пришла зима. Ужасная, холодная, с трудом Арон и Яра перенесли её в пещерке. Еды, которую обычно заготавливал Он, не хватало; костёр, который обычно разжигал Он, теперь почти не согревал; Его присутствие покинуло эти места.

Весной Арон начал строить избёнку, теперь хотя бы зима была им не страшна. Позже здесь возникнут и другие избы, и на этих землях раскинется деревушка.

Уходили годы, и появился у Арона с Ярой сын, которого назвали они Грамшем. Это был крепкий мальчонка, который очень любил животных и растения. Ему передалась способность родителей – разговаривать с животным миром. Забрела в эти земли хромая гиена, рассказавшая о злобных детях, обкидавших её камнями. Злоба на детей зародилась в сердце у Грамша. Как можно, не понимал он, творить насилие над этими зверушками, беззащитными созданиями.

Через три года после появления Грамша в их семье родился ещё один мальчик, его имя стало Рэван. Это был худенький мальчуган с узкими глазами и слегка заострёнными ушками. Рэван повсюду бегал за старшим братом. Но Грамш редко обращал на него внимание, и подолгу играл с новым другом – хромой гиеной Пукой. Пука также очень любила Грамша. Она даже охраняла его сон, не смыкая глаз.

Рэван, как и его брат умел разговаривать со зверьми, но Пука никогда не отвечала ему. Она чувствовала, что в нём существует зародыш непонятого презрения к меньшим братьям.

И вот братья выросли. У Рэвана была молодая жена – Чадра, а Грамш, он не искал человеческой любви. Он постепенно научился разговаривать с деревьями. Тому дару, который не перешёл к нему от родителей. Состарившаяся Пука уже не поспевала за другом в долгих странствиях по лесу. Тогда Грамш сидел с ней и ждал, пока она отдышится. Грамш ещё не замысливал создавать семью. Но Чадра, жена Рэвана, любила Грамша и однажды, ещё до замужества, открылась ему, но старший брат, естественно, воспринял это, как что-то не серьёзное, и остудил пыл любвеобильной девушки. Тогда Чадра поклялась отомстить. Рэван, конечно, ничего не знал об этом. Чадра даже пыталась ночью проникнуть к Грамшу в спальню и обвинить того, что он, якобы, силой затащил её к себе и надругался, но бдительная Пука не впустила её. И после, того как она стала женой Рэвана, она продолжала провожать взглядом его старшего брата, и по её лицу можно было прочесть гримасу чего-то недоговорённого. Вся эта затянувшаяся проблема имела в итоге довольно непредсказуемую развязку.

Грамш и Рэван отправились в лес для того, чтобы старший брат обучал младшего языку деревьев. Пука, понятное дело, пошла с ними. Но как они шли! Старушка Пука каждые полчаса останавливалась и отдыхала. Это бесило Рэвана, и он выдавал что-то по типу этого:

– Мы так и до зимы прогулку не закончим. Ишь ты, комок дряблой шерсти запросил привал. В который раз... за этот час, а?

– Пойми, брат, она уже не молодая. Смотри, как дышит. Моя хорошая, – отвечал Грамш, поглаживая Пуку.

Ночью они легли спать. И только два огонька Пукиных глаз не смыкались, но и Рэван не спал. Он наблюдал за гиеной и говорил:

– Я знаю, ты слышишь меня и понимаешь. Ну, ответь, зачем увязалась за нами? Мы с братом пришли языки познавать, ты-то к чему? Мало тебя в детстве камнями детвора побила, и на старость лет туда же себе?

В первый и последний раз отвечала ему Пука: «Я не укусила тебя ещё лишь потому, что ты брат моего единственного настоящего друга – Грамша».

– Может быть, ещё скажешь, что разорвала бы меня, гнусная гиена, ну-ка, попробуй, – возмутился Рэван, провоцируя Пуку.

Он схватил палку и пошёл на гиену. Она спокойно сидела, не шелохнувшись. Это насторожило Рэвана, он испугался даже подходить к гиене. И, решив спугнуть Пуку, кинул в её сторону палку.

– На-ка, жри, – почему-то прохрипел он.

Конечно, он и не собирался попадать в неё, но роковой бросок был сделан, и палка с силой ударила Пуки прямо в голову. Гиена недовольно взвизгнула и упала замертво с пробитой головой. Похожий исход ожидал и Рэвана, такая же чередой случайностей. Он сначала опешил, кинулся к тельцу гиены и тряс её:

– Ты же притворяешься, ну, нет же, зачем я кинул эту палку, о, нет, Пука, что же это? – голосил Рэван.

Когда Пука издала свой прощальный визг, проснулся Грамш. Первое, что он увидел, это, что чей-то силуэт бежит к Пуке и начинает её толи трясти, толи душить. Спросонку, Грамш в один прыжок был рядом с Пукой, а её обидчик уже летел в сторону ближайшего куста, брошенный Грамшем. Жестокая судьба решила, что срок Рэвана уже отмерен. С размаху он ударился о камни рядом с кустами, не успев даже вскрикнуть. Позже Грамш увидел, что столь стремительно вылетал из его рук его младший брат, и, что он мёртв. А неподалёку было его любимое животное, его самый надёжный друг, и также мёртвый. Представляете себе его состояние. С плачем, переходящим в рёв, он метался от одного тела к другому:

– Пулочка, милая, ну, вставай. Он убил тебя, но зачем? Зачем, братишка, зачем ты вообще пошёл... Я же не видел, что это ты, ой, глупый. Ну, пожалуйста, оживите, ну не умирайте.

Он прижимал к груди тельце Пуки и стонал:

– Дружок, ну, проснись, как я без тебя, тебе ещё надо жить, ты бы нас всех пережил, ты бы жил...

И толи он услышал это, толи ему приснились слова Пуки: «Ну, что ты Грамш? Я всё равно буду оберегать тебя, а Рэван, он простил тебя».

Когда утром Грамш открыл глаза и увидел кедры, тянущиеся к солнцу, тогда он ещё надеялся, что это был просто кошмар. Но кровь, под рукой тело недвижимого друга, в стороне мёртвый брат с малиновым от крови лицом – всё тело Грамша обмякло.

В деревню возвращался Грамш. На спине он нёс погибшего брата, а в руках перед собой милую его сердцу, бездыханную Пуку. Он всё рассказал, как было. Рассудительные Арон с Ярой опечалились, но молчали. Кричала Чадра:

– Ты, тупой верзила, убил моего мужа.

Грамш решил уйти, чтобы не мозолить глаза жителей деревни, и без того не понимающих его образа жизни. А Чадра прокляла его. И в этом Проклятье собралась вся ненависть неразделённой любви, насмешка над потерявшим нелепого друга и уныние от смерти мужа.

– Ты получишь своё, я заклинаю. Ты хотел общаться со зверьём и с травой, огурцами там всякими. Ха, теперь общайся только с ними. Пусть глаз человеческий не видит тебя, и пусть боится любой человек голоса твоего и прикосновений твоих, ибо тебя нет. А ты, будь проклят, перестанешь понимать человеческой речи, отныне, – орала Чадра вслед уходящему Грамшу.

Она изгоняла свою любовь, больше никогда она не встретится с ней, ведь Грамш уходил от неё навсегда.

Он уже исчез в дебрях леса, а Чадра всё проклинала, пока злость не переросла в бессилие. Она начала осознавать, что её любовь – Грамш – покинул их (чему способствовала, именно, она), забрав предварительно жизнь Рэвана. Чадра пятилась назад и всхлипывала. Она пятилась до тех пор, пока не перестала ощущать под собой твердь. Она оступилась с края скалы и упала на камни, там найдя свою смерть, обретя свой покой. Но её Проклятье сбылось.

Всевышний дал Арону и Яре ещё одного ребёнка, и тоже сына. Он получил имя Велес, и он уже не понимал языка природы.

Так просто. Срубленное дерево лишило человека общения с Ним, как говорят теперь с Богом, с Творцом и Создателем всего сущего; мы не видим Его и часто не понимаем, даже многие не верят в Его существование, но Он с нами и помогает преодолевать тернистый путь к Вечному счастью. С убитой гиеной человек потерял дар речи в общении с природой. А с убитым человеком, братом Грамш лишился возможности говорить с людьми, понимать их, но не только он. Проклятье Чадры разнеслось ветром на весь мир и пало тенью на многие будущие поколения людей.

«Кто согрешит тем, что слышал голос проклятия»

Велес был смиренным человеком, ничего плохого он не совершал, да и хороших поступков за ним не было замечено. Незаметный человек незаметно ушёл из жизни, оставив после себя потомство, потомство, возродившее впоследствии искусство Магии.

Но ещё до этого возникнет вопрос: как получилось, что только одна династия, основанная Велесом, чудом спасётся от водной Стихии? Прошло очень много лет со времени братоубийства. Но семья Велеса, единственное в роду Арона, как все считали, развилось и заселило многие земли.

Человек по имени Свалх мастерил плот, ибо, как рассказал он всем вокруг, прольётся дождь, которого не знала земля, и сорок дней будут оплакивать небеса погибших от этого плача.

– Отец, ты, наверно, пьян, – говорил ему сын его Свола.

– Я не пьян, я видел. Это был не сон и не пьяный угар. Только мы сможем спастись, – возражал Свалх.

– Сорокадневный дождь максимум может вылиться в гигантскую лужу. Мало кто даже ноги-то замочит.

– Это ты сейчас говоришь.

– Ты заметил? Что я сейчас говорю, уникальный дар, – саркастически подшучивал сын.

– Не смейся, Свола, не тот случай.

Свалх смастерил-таки плот, но оставались доски, и он уже делал лодку. Когда построил лодку, снова остались доски, и он задумался о ковчеге.

– И в этой бочке ты будешь жить? – острит проходящий мимо Свола.

– «Эта бочка» сохранит тебе жизнь, – пытаюсь что-то внушить сыну, отвечал Свалх.

Чета Свалха из-за его затеи стала мишенью для всеобщих насмешек.

– Вон, пошёл, дурачок, который строит себе дом, чтоб путешествовать по морю, – шептались везде, где появлялся Свалх, – а это кто? Свола, что ли? Похоже, думал, что его не узнают, какую-то накидку нацепил, повезло ему с папашей... А здесь и его два брата Сверек и Свегор, никогда не мог их отличить: один светлый, другой тёмный, но такие же, как отец... Смотрите, жена полоумного, ну, того, что предсказывал дождь. Ага, представляете, дождь предсказал, ну, вот, его жена, Помирта.

Однажды Свола ворвался в ковчег к отцу и кричал:

– Ты не видишь, надо мной смеются все, кому не лень, по твоей вине. Ты нас позоришь. Мне стыдно, что у меня такой стрёмный отец. Девушки даже сторонятся меня, друзья делают вид, что не узнают. А из-за чего, из-за кого, всё из-за тебя и твоей плавающей хибары.

Свалх не смотрел на сына, он слушал его и думал: «Почему Свола так жесток и глуп, что не верит ему?». Эмоции переполняли Свалха, но он молчал.

– Я теперь ничем не лучше чучела или, как его, пугала, что у нас на огороде, только на него пальцем никто не показывает, – продолжал Свола, – я не хочу этого. Ну, что молчишь? – он потрепал отца за плечи, – молчишь, ты и вправду обезумел. А я потратил лучшие годы, добывая для тебя доски. Проклинаю тот день, когда тебе приснилась эта лодка, когда ты родился и тебя проклинаю. Ты нам преподнёс, так неожиданно, этот подарок. Мы теперь всеобщее посмешище. Проклинаю.

И Свалх не выдержал:

– Возьми себе свои проклятья и будь с ними. Я получил знамение и исполнил свой долг.

Пока они ругались, двое младших сыновей сидели в соседней комнате ковчеха и переглядывались, слушая ругань Сволы. Неужели, он смел оскорблять отца? Помирта кормила живот-

ных, которых Свалх поселил в ковчеге, так как сарай и загон для скота пошли в качестве сырья для постройки ковчега.

– Какой долг, не смеши? – бесился Свола.

Никто не замечал, что за окном была ужасная гроза, и шёл сильнейший дождь, который земля ещё не знала. Он не прекратился и ночью и ещё два дня хлестал, не переставая. Потом волной разобьёт плотину, и огромный поток сотрёт их деревушку с лица земли, подхватив только миниатюрный в сравнении со стихией ковчежец. Их вынесло в море и, спустя ровно сорок дней, прибило к берегу.

Тяжело им пришлось эти сорок дней, тянувшиеся месяцами. Пищей для них был скот, который был в ковчеге, с пресной водой было сложно, но хуже всего то, что над ними довлела неизвестность. Свола умолял отца простить его, он целыми днями ползал за ним на коленях.

– Успокойся, Свола, я не держу зла на тебя, я понимаю, в это сложно было поверить, – в который раз отвечал Свалх.

– Но я помню, ты проклял меня, отец, тогда, в день начала. Ты сказал, чтобы я взял, забрал себе свои проклятья, – волновался Свола.

– Сынок, говорю ещё раз – не беспокойся. Всевышний благосклонен к нам, вот и голубь, посланный мной, не вернулся – близко земля. Не сегодня-завтра мы снова пройдемся по матушке-земле, травку поприминаем, – замечтавшись, говорил Свалх.

«Ага, как же, голубь не вернулся, потому что устал лететь и утонул, наивный отец», – думал уже Свола.

Когда ковчег причалил к берегу, и все из него выходили, то последним вышел Свола, и его парализовало. Он упал, как подкошенный. Свалх кинулся к нему, но тот ничего не мог сказать, не мог пошевелиться. Он только уставился на отца, словно, говоря: «Вот оно – проклятье».

Проклятье Свалха действительно отозвалось на его сыне, ибо не каждый мог читать заклинания, а лишь избранные. На утро Свола умер, не оставив потомства. Свалх долго плакал, не отходя от могилы сына. Больше Проклятье Свалха не распространилось ни на кого, так как поразило проклинавшего. В отличие от другого проклятья, пущенного намного раньше и при других обстоятельствах. Оно не было отправлено назад к проклявшему, к Чадре.

На этом заканчивается история о Свалхе. Но загадка не решена. Ковчег, сделанный далеко не мастером, даже не отвечал нормам герметичности, однако, вода не тронула его обитателей. Одно ясно, что кто-то оберегал их в том опасном морском путешествии.

Странно, но точно такое случилось одновременно во многих местах по всему миру: под действием дождя реки, преодолевая плотины, уничтожали целые поселения. И там уже никто не ведал пощады. Всемирным Потопом называли то, что случилось, потомки.

«Сильный столкнулся с сильным, и оба вместе пали»

Двадцать пять лет кануло. Не было уже на свете ни Свалха, ни Помирты. Сверек и Свегор возглавляли род. У них уже было много детей, и даже бегали маленькие внучата.

- Ты помнишь то плавание, – говорил Свегор брату.
- Да, это удивительно, как мы выжили, – отвечал Сверек.
- Вода любит нас.
- А давай построим, – начал Сверек.
- Храм, да, в честь величия Водной Стихии, – перекрикивал его Свегор.
- Ты мысли мои прочитал.

На том и порешили.

И строили они великое творение, не воздвигаемое ни разу ещё со времён Появления Садов. Огромными каскадами хрустальные потоки несли свои монолитные воды, казалось, с самых небес. Не только Свалхов род трудился, много людей помогало в создании этого Храма. Огромные селения возникли вокруг небывалого строения. Со всего мира съехались люди посмотреть на аквистонское чудо. Совокупность селений, возникших вокруг, назвали Аквистоном, что переводилось, как «Водное царство». И вот, когда Храм уже был почти построен, на самом его верху стояли две фигуры и о чём-то спорили.

Это спорили братья. Сверек говорил, что храм следует именовать «Сердцем Аквистона», а Свегор возражал и требовал назвать его «Амулетом Свалха», в честь отца.

- Так ты ковчег отца назови.
- Нет, отец сам назвал его «Разбарианда» – «Лань, бегущая по волнам», и я не смею менять названий.
- Может, спросим у народа, – предложил Сверек.
- Народ не знал нашего отца – они не поймут.
- Раз не поймут, тогда «Сердце Аквистона».
- Отцу было бы приятно, – настаивал Свегор.
- Уверю тебя, ему всё равно.
- Да он мёртв, но так память о нём будет жить.

Если кто знает про Мир и Ярость Стихий, то он поймёт. Во всех начинаниях их Силы заодно, но когда люди превозносят какую-то Стихию, позабыв о Всевышнем, то они, истинные Его служители, начинают противиться. Храм в честь Водной Стихии был поставлен для поклонения и благодарения не Господа, а Его слуг. И Вода вопияла к Господу уничтожить несправедливость. Силы Земли, всегда оберегавшие людей, не могли мириться с людским кощунством. Но Господь был милосерд к людям, только Его Великая Справедливость не выносила людского греха и поклонения Природе.

Разговор на вершине храма уже перерос в брань и сводился к тому, кто из братьев главнее.

- Я назову, как захочу, я старший, – кричал Сверек.
- Старший – не значит лучший, – перечил Свегор.
- Ты ж подшучивал над отцом, когда он строил ковчег, ты говорил: «Надеюсь, это не огромный гроб».
- Я это не в насмешку говорил, просто ассоциации рождались в голове. А сам-то смеялся над ростом мамы и, когда она что-нибудь говорила, шептал мне: «Откуда этот голос? Ах, вот же, лилипуты наступают».
- Не смей, ничтожество, про маму, – возмутился Сверек и занёс кулак над Свегором.
- Куда ручонки суёшь? – мощный Свегор схватил брата за руку.

Может, были расклады такие, чтобы этого не случилось, но проснулось Проклятье Чадры и влетело в души братьев. Враждующие братья громко кричали что-то друг другу. Но сначала они не слушали друг друга, теперь уже перестали понимать.

Земное напряжение достигло апогея. И вздыбилась Земля посреди храма, рухнуло чудо, сотворённое братьями. А сами они сорвались с крыши, и теперь уже их неподвижные тела покоились на земле. Проклятье Чадры разнеслось по всему Аквистону, залетая в каждый дом. И люди переставали понимать друг друга. В ужасе они бежали отсюда, кто куда.

Так первый оплот всеобщего единения был низвергнут, усилив разобщение между людьми. Позже были построены Храмы всем четырём Стихиям, но это другая история. На месте Аквистона по сей день безмолвная пустыня.

«И за преступников сделался ходатаем»

И снова Летопись вспоминает о колене Велеса. С именем Натана связаны многие события. Он – человек, первым сохранивший историю в вечности. Он единственный в роде не потерявший языка его древних предков: Свалха, Велеса и Арона, после крушения Храма в Аквистоне. Ему открылись многие тайны, и он оставил послание своим потомкам. Прочтут, правда, это послание гораздо позже, и никто не будет знать имени его отправителя. Поэтому об этом я поведаю в своё время, не нарушая хронологии. Но без сомнений можно утверждать, что Натан говорил с Ним, с Богом. И это был переломный момент в жизни Натана, и всю свою дальнейшую жизнь он посвятил клятве, данной Богу.

Натан был очень добрым человеком и безобидным. Его родители умерли рано, и он жил один. Натан был не особо красивым внешне, зато обладал прекрасным внутренним миром. Он был храбрым, но, вот, в отношениях с девушками робок. Почему-то люди не доверяли ему, хотя он был всегда искренен. Он никогда не грубил людям и на грубость отвечал рассудительностью, несмотря ни на что люди в округе недолюбливали его.

В среде бесцветных людишек, видящих «чёрно-белыми» глазами, он сливался с дорожной пылью, но не для Бога.

Натан – это человек, следящий за тем, чтобы не наступить на муравья, блуждая по дороге. Он плакал над сломанными деревьями, погибающими под рукой человека животными и людьми, он плакал над несвоевременно отобранными жизнями.

Он стал избранным. Три раза за свою жизнь Натан разговаривал с Богом.

Ему было тридцать два года, он сидел посреди дороги и пытался приставить на место хвост, кем-то зверски убитому котёнку. «Ну, за что тебя, бедняжка?» – не понимал Натан. Его сердце просто пылало скорбью, и жалость к беспомощным животным притупляла все остальные чувства. Он собрал останки котёнка в кучку и понёс в лес, чтобы закопать. Но что за напасть? На самой опушке он встретил барсука на трёх лапах и выжженными глазами, Натан позвал его, но барсук, услышав человека, стремглав отшатнулся в кусты. Дальше в лесу он увидел небольшого волка. Тот еле дышал, его тело было изрублено топором. Натан не выдержал. Он аккуратно положил остатки от котика на землю, но подняться с колен уже был не в силах. Он восклицал: «О, Всемогущий, Сила, управляющая нами, Великий Бог! Я, Натан из захолустья близ Валерана, умоляю Тебя – спаси эти невинные сотворения Твои, помоги им, ради всего святого, что есть на свете. Я клянусь, что никогда не отвернусь от Тебя, буду почитать Твои заветы и следовать Твоим повелениям. С этой секунды и до конца существования моего».

Случилось странное явление. Из рук Натана желтая дымка протянулась к небесам и растаяла в облаках. Затем на лес пролился золотисто-розовый дождик, сопровождаемый звонкой переливистой мелодией. Капельки исчезали при соприкосновении с землёй. Бог наградил Натана даром исцеления животных и растений. Волчок приподнялся, похромал для приличия и, обрадованный таким исходом событий, убежал дальше в чащу. Котёнок, недоумевающая вертел головкой. Несмотря на произошедшее с ним, видимо, он не успел испустить дух. Потом поднялся и, прыгая одновременно всеми четырьмя лапами, побежал, помахивая из стороны в сторону приросшим хвостиком. Из кустов на Натана смотрел тот барсук, но теперь уже полностью здоровый.

Незаметно сзади к Натану подошёл Дедушка. Они начали разговор с произошедшего чуда и постепенно перешли к совершенно другим, гораздо более важным вопросам. Они долго беседовали, и Дедушка рассказал Натану всю историю со времён Возрождения Мира, к тому же Натану были открыты события ближайшего будущего. И Натан решил всё это записать. Он изобрёл значки, понятные только ему, он не знал письменности. Своими значками он изобразил всё услышанное от лесного Дедушки-Сказочника, он запомнил всё.

Новоявленный ветеринар Натан очень долго писал, постепенно совершенствуя свой собственный рунный алфавит. Через семь лет он закончил текст и приложил к нему ключ в виде рун.

Скоро он снова встретится с Богом.

Люди получили в дар от Создателя Жизненную Сущность, но единственное, что они признали в ней, это плотские наслаждения и другие удовольствия, получаемые человеком в процессе жизнедеятельности.

Зокан и Баселия – эти два города являлись оплотом человеческого разврата и грехопадения. Земля, на которой происходили столь извращённые распутства, непередаваемые словами, выносить этого не могла. Но в памяти ещё сохранились эпизоды, связанные с Аквистонским Храмом, произошедшие тогда горькие события и плачевные последствия – размежевание народов – стали мотивом многих песен, рассказывающих о предпосылках войн. Поэтому Силы Земной Стихии не смели вершить кару. Но все Стихии были едины во мнении, что с пороком Зокана и Баселии нужно навсегда покончить.

Натан снова повстречал того лесного Дедушку, и Тот открыл ему, что истинно является Творцом всего. Бог поведал Натану о каре, которая должна свершиться в Зокане и Баселии. «Как же могло произойти, что Создатель допускает уничтожение Своих творений?» – недоумевал Натан.

На окраине Зокана жил парень со своей мамой, его звали Данкан, как раз около семи лет назад он встретился с Натаном. Десятилетний Данкан брёл по дороге с заплаканным лицом и нёс в руках умирающую горлицу. Натан попал сюда в поисках бумаги или пергамента, для записей Божьего Повествования. Целительные способности, полученные Натаном, помогли в излечении горлицы Данкана. С этого момента Натан и Данкан стали неразлучными друзьями. На протяжении семи лет Данкан помогал Натану в написании чудесных историй. Но с мамой Данкана Лантаной Натан не был знаком, хотя Данкан часто рассказывал своему учителю о ней, а дома его разговоры были только о Натане и его невероятных сказках, а ведь тогда даже Натан считал их сказками. «... И теперь, – думал Натан, – эти прекрасные люди погибли в Зокане, по вине остальных, но разве нет праведников в Зокане и Баселии».

Некогда просто Дедушка, сейчас, окружённый удивительным светом, Бог находился перед ним и внимательно слушал.

– Даже если три праведника остались в этих городах возможно ли, чтобы Вы сохранили эти города? – осмелился Натан.

Улыбнулся Бог, и Натан понял, что ради всего трёх праведников Бог сохранит жизнь городов, кишацих падшими в грехе. Но потом природин лекарь прикинул, что кроме Данкана и его мамы там нет праведников. «Их всего двое, – в ужасе думал Натан, – и им уготовано место в одном гробу с грешниками».

– А двое, если их только двое, – опомнился Натан, но Дедушки-Сказочника уже не было рядом.

Из Валерана добежать хотя бы до Баселии составляло около двух суток, а до Зокана, так ещё больше. Всё равно Натан побежал, он должен был спасти невинные жизни, такие дорогие ему. К вечеру он видел с пригорка вдалеке, как сильнейший разряд молнии озарил небо и дальние холмы.

В «сердце» Бога была бесконечная Любовь к Его детям. Силы стихий не обладали этой всеобщей любовью, они могли испытывать только чувства благодарности к некоторым людям. Сейчас Силы Огня были призваны уничтожить Зокан и Баселию. Град молний поразил дома, и великий пожар охватил моментально оба города, спасшихся от стихии не осталось.

Всё ещё, на что-то надеясь, Натан бежал. Уже вдали показались руины Баселии. Когда он подбежал ближе, не было слышно ни стонов, ни криков, ничего кроме потрескивающих углей домов, явный признак того, что выживших здесь искать не придётся. Пробираясь сквозь дым,

он всё бежал, дальше. Между Баселией и Зоканом простиралось нагорье, а за ним поле. Когда Натан вбежал на гору, он уже видел оттуда разрушенный Зокан. Его глазам предстала та же картина, которую он пронаблюдал здесь в Баселии. «Разве могли погибнуть невинные Божьи чада Данкан и его матушка Лантана, – не мог поверить Натан, – я не верю в это».

И вдруг он увидел, как из небольшого проёма в горах выходили такой близкий ему Данкан и его мама.

– Данкан, посмотри какой опечаленный человек, не только мы спаслись, – проговорила Лантана.

– Да, это же Натан, мам, – Данкан приходил в изумление, вглядываясь в черты человека, стоящего недалеко, – это Натан, Натан, – последние слова Данкан договаривал уже в момент прыжка навстречу Натану.

Еле заметные слёзы сползли по щекам Натана:

– Милый Данкан, вы с матушкой спаслись, какое же счастье, а я думал, что уже поздно.

– Вот, познакомьтесь, учитель, это моя мама идёт, это и есть Натан, мам, – то в одну, то в другую сторону обращался возбуждённый Данкан.

– Очень рад знакомству с вами, Лантана, вы даже моложе выглядите, чем я себе... я себе представлял.

– Я тоже рада познакомиться, Натан.

Симпатичная Лантана сразу запала в сердце Натану, он не мог оторвать глаз от неё.

– Ну, правда, моя мама просто красавица, – продолжал разговор Данкан.

– Правда, – зачарованный отвечал Натан.

– Вы меня смущаете, – вступила в диалог заалевшая Лантана.

– Извините, мы нечаянно, – неказисто оправдывался Натан, – но как вы спаслись? – наконец-то Натан вспомнил, что сразу хотел спросить.

– Я спал, и вдруг Кто-то постучал, – начал вроде Данкан, – мам, расскажи ты, у тебя лучше получается.

– Это стучал какой-то Старичок, – продолжила Лантана, – мы думали сначала, что Он Нищий. Впустили, поели, что было. И внезапно Он сказал нам, что мы хорошие люди, что нам не место в греховном стане, что нужно уходить и не заботиться о вещах. Он говорил это так внушительно, что мы, не задумываясь, пошли за Ним. Он довёл нас до этих гор, а потом куда-то пропал. Когда мы обернулись, от Зокана осталось то, что видно отсюда.

Натан понял, о ком шла речь, что это был за Старичок. «Неважно трое, двое или один праведник. Бог спас бы их всех, праведник не может попасть в одно пекло с грешником», – такая мысль закралась в душу Натана. Они все вместе шли в сторону Валерана.

«Не горело ли в нас сердце наше»

Уже около трёх месяцев Лантана с сыном жили в доме Натана. Любовь Натана к Лантане, так как теперь та симпатия уже стала любовью, с каждым днём разгоралась всё сильнее и сильнее. Его мысли были только о ней. Он краснел перед ней, как мальчишка, опускал глаза и не мог найти слов для разговора. Он никогда не противоречил ей и прибегал на малейший её зов. Он читал ей книги, написанные по словам Бога, но, как только заканчивал читать, тогда снова волна стеснительности накатывалась на него, и он запирался в свой мирок мыслей и грёз, сочиняя предлоги для разговора, но никогда не используя их.

Лантана, хоть и привыкла к вниманию мужчин, но она, как ни странно, была непорочна. А Данкан был ей не родным сыном. Он был сыном её сестры. И когда та умерла вместе с мужем от чахотки, трёхлетнего малыша взяла на воспитание Лантана. В детстве она жалела ранимую душу Данкана, сейчас боялась, что он не поймёт и возненавидит, поэтому Лантана никогда не говорила Данкану про настоящих его родителей, а он никогда не спрашивал ничего про отца. Итак, Лантана искала достойного человека, коего в Зокане не было. Таких добрых и отзывчивых людей, как Натан, она никогда не встречала. Она понимала, что нравится ему, и постепенно привыкала к нему.

Данкан хотел, чтобы его учитель и его мама стали одной семьёй. Эти два самых дорогих ему человека должны быть счастливы. А мужа лучше Натана для его мамы он и не мог представить. Но Лантана избегала разговоров об этом с сыном, а Натан и не заикался о своих чувствах вслух. Что-то не так было в Натане для Лантаны. Внешность не волновала её, что-то другое. Натан, казался ей аморфным, слабым и каким-то беспрекословным со всеми. Его плечо не было для неё каменной стеной, но не всё было так безнадежно.

Как-то вечером в их дом постучали. Потом, не дожидаясь, кто-то стал ломиться в дверь и что-то орать. Натан, как обычно, перед сном читал свои истории Лантане и Данкану, и на этот раз он заговорил о Дедушке-Сказочнике, его перебил стук в дверь.

- Ты что – спишь, валенок? – кричали снаружи.
- Кто там? – спросил Натан, подходя к двери.
- Отворяй, это я Сеоп, не тyani.
- Вы ошиблись.
- Слушай, ещё секунду я здесь постою, и ты – труп.
- Хорошо, я открою, и вы убедитесь в ошибке.

Натан открыл дверь. Снаружи стоял какой-то здоровый мужлан, подвыпивший и разгорячённый. Натан его не знал, а мужик недоумевал:

- Ты кто? А где этот, седой, Па-артилап? – заревел здоровяк.
- Что за Партилап я не знаю, но его здесь точно нет.
- Ты что, дурака из меня здесь разыгрываешь?
- Послушайте, вам бы протрезветь и проспаться, но не здесь, давайте выходите.
- Эге, потише... Мне нужно башмаки залатать, если не найду проклятого «Протри-лапы», то ты их начнёшь делать.
- А, сапожник, Понт Руват, так вон, смотрите, его дом, где свет горит.
- А, понял, ну, ты ничего... Если я тебе, ну, нахамил там, ты держи меня в курсе.
- Всё нормально, до свиданья.
- Не, ну, я зайду ещё – так сказать, извинюсь.
- Не стоит, идите.

Натан закрыл дверь. Ему было очень неудобно за случившееся перед Лантаной. Он даже как-то неловко прощения попросил за беспокойство. Тут встал Данкан и, одеваясь, сказал:

- Ну, мне пора, я должен идти.

Он уходил в свою мастерскую. Поначалу Натан пытался передать ему способность к исцелению, но, как не пытался Данкан, у него не выходило. Ведь этим даром был наделён только Натан. Тогда Данкан решил попробовать себя в искусстве, стал выдалбливать скульптуры из камня. И сейчас он направлялся доделать какой-то фрагмент. Он работал вечерами и ночами, так как в это время к нему приходило вдохновение.

Данкан ушёл, Натан, закрывая за парнем дверь, обратился к провожающей сына Лантани:

– Вы не беспокойтесь, Лантана, всё будет хорошо.

– А как вы думаете, Натан, этот человек ещё вернётся, как обещал? – спросила Лантана.

– Да, нет, он уже, наверно, завалился где-нибудь и храпит, – ободряюще отвечал Натан, сопровождая это смешной гримасой, на что Лантана улыбнулась.

Их разговор снова перешёл на лесного Дедушку, как в дверь постучали.

– Эй, это я, громила-Сеоп Жилганский, от башмачника, – снова вламывался нетрезвый мужик.

Натан подумал и открыл. Здоровяк вошёл без приглашения, Натан начал его выпроваживать:

– Вы извинились и уже уходите, – с утвердительной интонацией произнёс Натан.

– Не, ну, я вижу, ты чего-то мрачный. Не веришь мне?

– С чего вы это взяли? Вам же пора.

– Всё иду, иду...

В это время из комнаты выходила Лантана, чтобы убедиться в том, что незванный гость ушёл. И мужик, уже будучи в дверях, увидел её.

– Это что за цветок с таким заморышем? – обнаглел, дальше некуда, пьяноватый верзила.

– Я не вижу с вами цветов, – не теряя достоинства, сострил Натан.

Теперь, когда Лантана здесь, он не станет церемониться, он должен защитить её.

– Не понял, вроде бы я получаюсь заморыш? – мысль исказила физиономию вломившегося.

– Заметьте, вы это сами сказали.

– Что ты за умник такой? Ты сидишь здесь, бабу я забираю, завтра, может, приведу, понял, – распорядился мужик из Жилгана.

– Что ты подразумеваешь под бабой? Если свою голову, то, спасибо, завтра и впредь она здесь будет не к стати. Так что давай, ноги в руки и исчезни, – оставив приличия для других, говорил Натан.

– Так всё – ты труп. Баба собирайся, – обратился он к Лантане.

Натан взял мужика за грудки и вытолкнул за дверь. Удивлённая Лантана подбежала к окну, хотела посмотреть, что будет происходить во дворе. А там всё было быстро. Натан свернул мужика, причём почти протрезвевшего, в три погибели и кинул в кусты. Напуганный силой Натана мужик, который не мог даже пошевелиться в его руках, вскочил и опрометью побежал восвояси. Натан вернулся в дом взволнованный, состоянием Лантаны. А она встретила его с улыбкой. Теперь в её глазах он стал героем. Сияя, она спросила:

– Ну, так что за Дедушка встретился вам в лесу?

И Натан, улыбаясь в ответ (он не мог сдержать улыбку, когда на него смотрела Лантана), рассказал всё: об исцелении животных, об этих историях и о предсказании гибели Зокана и Баселии.

Наутро, когда вернулся Данкан, Лантана рассказала ему о происшедшем.

– Вот это Натан, я и не подозревал, – восхитился Данкан.

– Он такой таинственный, – откровенничала мама с сыном, – и скромный и ещё добрый.

– Мам, – улыбаясь, отвечал Данкан, – это неспроста, ты говоришь только о Натане.

Натан, по-прежнему, краснел от смущения и запинался, как только подходила Лантана. А её поначалу привязанность, потом восхищение перерастала во что-то более сильное. Она

засматривалась на его голубые и глубокие, как море, глаза. Её сместили жесты и мимика Натана. В выражении его лица она узрела любимые для себя черты. Однажды она призналась Натану, что не мать Данкана. Она объяснила, почему она молчит и не откроет приёмному сыну правды.

– Милая Лантана, – Натан сам не поверил себе, он сказал «милая», – не нужно терзать себя этим, вы для него больше, чем мама, и не важно, скажите вы ему всё или нет.

В это время Данкан стоял в соседней комнате и всё слышал. Он вернулся раньше, когда ещё все спали, поэтому Лантана думала, что его нет дома. Данкан теперь не знал, что делать, но понимал одно, что ничего не изменилось в его отношении к маме, Лантана – всё та же его любимая мама. И он вышел на кухню, где беседовали Натан и Лантана.

– Я люблю тебя ещё больше, моя мамочка, – вот, что сказал Данкан.

Лантана расплакалась и обняла сына. Всё было ясно, и разговор продолжения не требовал. К вечеру уже забыли об этом, и огромная ноша соскочила с Лантаниной души.

События, описываемые далее, произошли в начале зимы. Выпал первый снег. Данкан блуждал один в горах, между развалин Баселии и Зокана. Как раз там, где они спасались от Кары Небесной. Он двое суток не был дома, так как уже неделю вдохновение не посещало его. Он шёл куда-то вдаль, пока не очутился здесь. Вдохновение внезапно снизошло на Данкана-скульптора. Он наклонился к земле и, сгребая в кучу снежок, принялся лепить. Пальчик за пальчиком, ресничка за ресничкой – он вылепил прекрасную девушку, обращённую взором к истлевшему Зокану.

Это чудесное изваяние запало в сердце юноше. «О, девушка моей мечты, я должен найти её среди людей», – мечтал он. Всю зиму простояла снежная статуя на том нагорье, и никто не коснулся её. А весной Данкан встретил девушку, по имени Шаванна. Её лицо. Это было точно такое же лицо, которое он слепил там, на холме близ Зокана. Данкан водил её в те горы, но там ничего не было. Толи льдышка, не выдержав весенних лучей солнца, растаяла, толи ожила девушка и обратилась Шаванной, никто не знает. Об этом многие народы слагают песни и мифы, но никто не знает всей правды. Когда-нибудь всё узнается.

Данкан отвёл Шаванну в свою семью. Они поженились и жили счастливо, оставив после себя много детей. Одним из которых был Варак – самый искусный мастер тех времён. Ещё Летопись сохранила имена их дочерей: Гилтеки, которая была великим лекарем, знаменитым на много миль вокруг, и Хобитны, не совсем обычной девочки.

Станным был конец у этой истории. Будто бы не умерли Шаванна и Данкан – исчезли, а там, где был их дом, забил минеральный ручей.

Но это случится позже, а пока Натан и Лантана никак не могут открыться друг другу и признаться в любви. Натан-романтик сочинил прекрасное стихотворение – оду для Лантаны, но хранил его в тайне. И случилось страшное для Натана, и прекрасное для развязки узла этой затянувшейся влюблённости – он выронил бумажку с одой в комнате Лантаны. Она заметила листок, подняла и, не читая, да она бы из-за особого рунного алфавита не смогла бы прочесть, отдала Натану.

– Что это? Скажите, пожалуйста, – поинтересовалась Лантана.

Натан покраснел, не зная, куда деться, хоть провалиться сквозь землю, но соврать любимой женщине он не мог:

– Это стих, я написал, – вскользь проговорил Натан.

– Прочитайте, интересно.

– Но... хорошо.

И Натан прочёл изумительные строки о любви, которые позже барды воспоют в своих песнях. Лантана, заворожённая чтением, таила надежду, что стихи для неё и вдруг спросила:

– Как чудесно, очень повезло той девушке или женщине. Такой мужчина так красиво говорит о своей любви. Скажите, кому вы их посвятили?

Отступать было некуда, сейчас или никогда, и Натан решился:

– Вам, милая Лантана, я люблю вас.

Не ожидавшая прямолинейности Лантана смутилась:

– Вы же серьёзно, дорогой Натан, – она его раньше так никогда не называла.

– По-моему, с такими вещами нельзя шутить, по крайней мере, себе я этого не позволяю.

– Значит, вы любите меня, так знайте, что и... и я вас тоже.

– О, милая Лантана, я и не смел надеяться. Вы же не из жалости это говорите?

– Как может хрупкая женщина жалеть сильного мужчину? Я никому такого никогда не говорила, только вам.

– Моя любимая, вы согласитесь разделить со мной дни, оставленные нам Богом.

– О, так неожиданно, сразу. Я, ой... согласна, кажется.

Они сыграли тихую свадьбу и зажили счастливо, у них родился сын, и дали имя они ему Дувержал.

После того, как исполнилось сыну десять лет, явился Натану странный старик, он называл себя вершителем судеб и призывал Натана отвести сына в земли Мории и убить его там.

– Ты должен выказать мне свою преданность, – говорил старик.

И Натан не смел отказаться от Клятвы Верности.

Опечаленный, никому не говоря ни слова, Натан разбудил Дувержала, и они пошли в Морию. В дороге им встретился тот же странный старик, которого про себя Дувержал прозвал Гурпачи, что означало на древнем наречии – «Кривое Ухо», так как одно ухо старика было повернуто горизонтально, параллельно земле.

– Идём же, я покажу где.

Дувержал ничего не понимал, Натан плёлся, как во сне. Они подошли к большому камню, напоминающему алтарь.

– Ложись туда, Дувержал, – командовал странный старик с перевернутым ухом.

– Я никогда не предаю Бога, – сказал Натан, – но предать родную кровь я также никогда не посмею.

– Ах ты, безбожник, как посмел ты.

Наречённый Гурпачи старик потянулся костлявыми ручишками к сыну Натана. А тот убрал сына. В глазах старика сверкнула Молния Ярости, его волосы развивались на ветру, он походил на живое воплощение возмездия всем и вся. Казалось, он вырастает в гигантское чудовище. И внезапно между Натаном и Гурпачи вырос огненный столп, постепенно превращаясь в того Дедушку из леса. Старик Гурпачи исчез. Теперь только сердце Натана успокоилось, а Дувержал уснул.

– Кто приходил сюда, выдавая себя за Вас? – занервничал Натан.

Сияющий Дедушка приложил палец к губам, указывая на спящего Дувержала. Они возвращались в Валеран, Натан нёс на руках сына. И Божий посланник пояснил Натану, что произошло. Позже слова об этом появятся в записях Натана.

Через убийство сына Натан (и через него всё человечество) лишались способности исцеления природных созданий. Кроме того, были бы очернены земли Мории, где уже появились на свет прародители четырёх великих культур. Но то, кому это было нужно, осталось загадкой. И в книге об этом ни слова, и Натан не знал. С тех пор пошли по свету всякие лжепророки, разрушая у людей веру не только в человека, но и в торжество Добра.

Дувержал проснулся тем утром, ничего не помня, только седой клочок волос появился в копне его кудрявой шевелюры.

В семье Натана и Лантаны ничего плохого больше не происходило. Они жили спокойно до своих последних дней. Бог больше не приходил к Натану. И ещё одно: книги, которым Натан посвятил всю свою жизнь, пропали, ходили слухи, что они сгорели в камине его дома, в одну из небывало холодных зим.

«От тщеславия твоего ты погубил мудрость твою»

Минуло пятьдесят лет. Дувержал спал. Было видно, как под его веком вращается глазное яблоко. Он видел сон.

«Будто бы два быка одинакового окраса столкнулись лбами. И один, уличив момент, распорол рогами брюхо второго. И вдруг стадо коров и буйволов, стоящее на стороне хитрого быка-победителя, понеслось и смяло даже своего предводителя. А второе стало убегать, приминая траву, догоняющее стадо уже выкорчёвывало её. Вскоре, поле за полем, вся земля была истоптана, и ни малейшего живого клочка на ней не было. Схватились стада. И ярость сражалась против ненависти, хитрость против силы, жестокость против страха. Ни одной коровы не осталось в живых. Только один старый бык, в котором угадывались черты Дувержала, стоял посреди поля, недоумевая, и что-то стонуше мычал».

Но гораздо раньше, когда Дувержал был ещё мальчишкой, ему приснился другой сон. Это был страшный сон. Мальчишка проснулся и рассказал сон отцу: «Пап, послушай, я боюсь. Небо затянуло тучами, и ничего не было видно, солнце закрылось от нас. Были слышны голоса, но, говорю, ничего не было видно. Вскоре же молния осветила землю. Стало видно, как дядя ведёт мальчика на казнь, там стоял большой пень, а к нему прислонён топор. Рядом был страшный худой старик, он был палачом, и все называли его Гурпачи. На его лице была страшная маска, но под ней было нечто более ужасающее. Я знаю это, и я рад, что не видел, как он снимает Маску Гурпачи, так называли маску. Никто не сказал, в чём виновен мальчик, его просто положили на пень, и палач уже занёс смертоносный топор. Он опускался. Вдруг молния потухла, стало опять темно, а я слышал этот звук, это был звук хрустнувшей шеи. И я проснулся. Пап, но тем мальчиком был я. А приведший его дядя – это... это был ты, пап», – мальчишка крепко прижался к отцу. Этот сон сбывся бы, но воля Всевышнего и выбор отца спасла Дувержала, вырвав из памяти те ужасные впечатления.

Натан знал теперь о даре прорицания у его сына, но никому не говорил, так как знал, что злые люди всегда найдут почву для своих гнилых семян. Этот дар принёс Дувержалу много хлопот. Его предсказания несли с собой всегда несчастья. В Валеране его прозвали Гелдоор – что переводится, как «о Беде Кричащий».

Сверстники его не любили, у него не было друзей, ведь когда он приходил, то сообщал о новом горе. В чьих-то головах зародилась идея, что он своей мыслью порождает случающиеся беды. Но он не обладал силой мысли. Он всего лишь видел вещие сны. Только вот идея о мысли, творящей судьбу, не умрёт, и пройдёт ещё немало столетий, а, именно, Сила Мысли ляжет в основу произрастания Колдовства.

У Дувержала был любимый котик – Рьяка – чёрного цвета. Дувержал не понимал Языка Природы, в отличие от отца, но с котом они понимали друг друга даже взглядом.

Постепенно люди стали шарахаться в сторону от Дувержала. А потом, увидев издали его малыша Рьяку, они гнали кота прочь. Но, так как для большинства обычных людей все чёрные коты одинаковые, любой чёрный кот становился для них симптомом появления Дувержала Гелдоора и его Дурных Вестей.

Один очень мнительный человек по имени Клохна увидел Рьяку, кота Дувержала, спящего на лужайке перед избой своих хозяев. «Ага, вот исчадие напастей», – Клохна схватил кота за шкуру, не реагируя на вопли и извороты чёрного животного, куда-то поволок его. Ходят слухи, что он пытался утопить его в бочке – но Рьяка выпил воду, потом сжечь – но, выплюнув воду, Рьяка потушил огонь. Он скинул его со скалы, кот упал, но встал и, хромя, кое-как побежал. Клохна настиг его, закопал живым в землю и сел на том месте. Но, словно крот, Рьяка прорыл себе выход на поверхность, а там стоял, смотрел огромными зелёными глазами

на Клохну и смеялся. Потом исчез. Это так напугало Клохну, что его сердце не выдержало, и он умер.

Вернувшийся Рьяка плакал перед Дувержалом, просил защитить, потом кот поведал свои горести Натану, который сложил песню о Рьяке, названную «Чёрный зверёк, мешающий людям». Эта песнь перепета множество раз, кто знает, может, она стала причиной того, что глупая примета о чёрном коте, «кричащем о горе», сохранилась и по сей день.

Как только Дувержал вырос, он покинул Валеран. Купил коня и ускакал в земли далёкой Вестфалии, которые располагались на берегу реки Марицы. Там никто не знал Дувержала, и его дар расценили, как Божье Благовословение, так как он предсказал рождение сына в бездетной семье Бехила – царя здешних земель. И вот надежда на продолжение рода разгорелась заново, у царя появился сын, которого он назвал Поранко. Царь озолотил Дувержала. Меньше года назад он был простым путником с Востока, а сейчас стал одним из самых богатых людей во всей Вестфалии. Здесь Дувержал нашёл жену Истеку, здесь же родились его сыновья-близнецы: Дувин и Дувмат. По сохранившемся Хроникам, когда появился на свет Дувин, он вырвался из рук повитухи и своей ручонкой вытащил за руку брата своего Дувмата. Они были не просто братьями или неразлучными друзьями, как что-то единое, как правый глаз и левый глаз, то, что не видит один, видит другой и наоборот. Все в округе уважали этих отважных ребят. Они были гордостью своих родителей, и царь Бехил любил их, как родных. Но бывают и чёрные полосы в жизни.

Дувмат, когда ему было семнадцать лет, пошёл в лес. Там он искал Ягоды Стюкили, которые хорошо утоляют голод, они просто необходимы в долгих походах, а именно такой предстоял ему и брату его. Дувин же тем временем готовил сумки. Они отправлялись в далёкий Валеран, чтобы повидаться с дедом.

Долго не мог Дувмат найти этих ягодок. Стало смеркаться, и он решил переночевать в лесу и, как раз, искал подходящее место. Постепенно темнота сгущалась. И вот уже в шаге перед собой ничего не было видно, а место для ночлега Дувмат ещё не выбрал. Он шарил и вдруг наткнулся на кого-то и, испугавшись, отпрыгнул. Незнакомец рассмеялся, казалось, что он видит в темноте, как при свете.

– Страх! Как он меняет людей. Научиться управлять им, не только своим – это, значит, управлять людьми, – раздался голос.

– Кто вы? – вглядываясь в чёрную пустоту, вопрошал Дувмат.

– А зачем тебе это? Ты, встретив меня днём, не узнаешь, – таинственно произносил незнакомец.

Но Дувмат, ориентируясь на голос, уже был рядом с ним и заломал его так, что тот не мог пошевелиться.

– Эй, отпусти, – заволновался незнакомец.

– Скажи своё имя, – настаивал Дувмат.

– Я, Суле, что означает «Ночное видение», переводя с древнейших языков, не используемых ныне. Для меня темнота не существует. О наступлении ночи я узнаю по небесным светилам. А тебе я дам новое имя Эдирне – «Третье светило».

Дувмату понравились эти слова, он отпустил Суле. На небе загоралась заря, и теперь Дувмат уже видел, что перед ним дряхлый старик с жёлтыми зрачками. И только он посмотрел на глаза старика, как Суле пристально впился взглядом в глаза Дувмата, что тот не мог пошевелиться даже. И вдруг какое-то мутное облако болотного цвета перешло из Суле в Дувмата, и его зрачки пожелтели, но зоркости это не прибавило, случилось что-то более серьёзное. А что, пока никто не знал. Суле исчез, испарился вместе с болотным туманом.

Дувмат уходил из леса недовольный, его терзало чувство чего-то недоделанного, но в то же время ничего не хотелось делать. Пришедши домой, он сразу сообщил брату в над-

менном тоне, что поездка на родину отца отменяется, но про ночные происшествия умолчал, что-то внутри не давало ему этого сказать.

Прошла неделя, а он нашёл себе новых друзей, редко разговаривал с семьёй, ещё реже с братом. Всем говорил, что теперь его имя Эдирне, что он «Третье светило», после Солнца и Луны. Прошло ещё время, он совсем отдалился от семьи, водил непонятные знакомства. А в это время царь Вестфалии Бехил умер, и его сменял Поранко, но Дувмат, а уже больше года Эдирне, воскликнул на площади, где происходила торжественно-траурная передача правления:

– Чем он славен, тем, что сын отца? Да мы все такие же. Сможет ли он управлять Вестфалией? – его голос звучал грозно и туманом обволакивал всех собравшихся, – я стану вашим царём.

Поранко в ужасе бежал. Все, подчинённые этому туману, соглашались с кандидатурой Эдирне. Спустя ещё два года, Эдирне посягнёт на свою семью.

Два года прошло. За это время вокруг Эдирне собралась непонятная клика. Один из них, особо приближённый к Эдирне, Чейтаб был освобождён из тюрьмы, где десять лет он выполнял каторжные работы, а до этого он был беспощадным убийцей. Теперь же стал вторым лицом в городе, но его чёрный умишко уже вынашивал план становления первым лицом.

Как бельмо на глазу была для Эдирне семья Дувержала, его самого родная семья. «Эти людишки имеют уважение в городе, а кто они такие, если я Третье Светило, и почему, собственно, третье, а не второе. Нет, какое второе – первое. Я-то могу обойтись без Солнца и Луны, а они-то без меня нет. Ну, всё равно Эдирне – это красивое имя. И этот Дувин, как он посмел вперёд меня покинуть утробу нашей матери, ну, я ему отомщу», – размышлял Эдирне.

– Так, Чейтаб, собери побольше своих головорезов, наведемся к Дувержалу, – обратился он к начальнику охраны.

– Да, мой господин, – подчинился Чейтаб, а сам подумал: «Когда он расправится с Дувержалом, тогда я без труда расправлюсь с ним».

Это было то самое утро, когда Дувержалу приснился сон про быков. Дувержал проснулся от громких стуков в дверь и каких-то криков с улицы. Дверь открыл Дувин.

– Так, думаю все здесь, – источая вопиющую гордыню, вошёл Эдирне, – взять их, они затеяли заговор, – командовал он своим приспешникам.

Но Чейтаб поправил:

– Не брать, мой господин, а скорее, наверно, убить. Ведь так?

– Ну, погоди, я пока не желаю их смерти.

– Мой господин, причём здесь вы, остальные желают, – Чейтаб, усмехнувшись, взглянул в сторону отморозков, пришедших с ними, – Вот, Поранко, он, скорее всего, метит на ваше место; Дувержал, ваш отец, но он же, точно, унижал вас, считал ниже себя, кричал на непослушного гольша; а этот Дувин – первенец – разве не заслуживает смерти, – продолжал он.

– Первенец? Какой же он первенец? Я первый ребёнок, я сейчас сам убью его, – рассвирепевший Эдирне схватил канделябр и махнул им, но Дувин увернулся.

Дувин подскочил к Эдирне, выхватил у него канделябр, бросил на землю и сказал:

– Ты предал нашу дружбу, – развернувшись спиной к брату, Дувин уходил.

Эдирне, тяжело дыша гневом, сплёвывая пену, поднял канделябр и занёс руку над головой брата. А Проклятье Чадры уже снова пробудилось, без него здесь, конечно, не могли обойтись, оно витало над головами братьев.

В это время спускался Дувержал, и, увидев такую картину, он закричал так, что голос его был слышен, наверно, даже в далёком Валеране:

– Ты что делаешь?

Испуганный Эдирне уронил канделябр. И тогда Дувержал рассказал свой сон.

– Твой же подхалим Чейтаб убьёт тебя, а потом земля задохнётся от смрада, исходящего от разлагающихся трупов всего человечества, – заканчивал Дувержал.

– Ты всё врёшь, нарочно придумал, – возражал Эдирне, – я его создал, без меня он сгнил бы в тюрьме.

– Без тебя, сын, ничего бы этого не случилось.

– Чего этого?

– Ты слеп или глуп, по-твоему, всё в порядке? Сын пришёл казнить отца и всю семью из-за того, что ему стыдно за их существование. Ему – самому... а кому хоть, кто ты – простой самозванец, возгордившийся своими жёлтыми, не как у всех, глазами, да?

Чейтабу надоел этот трёп, и он сказал:

– Хватит, заткнись старик, – и он протянул свою руку к Дувержалу.

– Отойди, Чейтаб. Здесь я, и только я повелеваю, – воскликнул Эдирне, – ты – раб обыкновенный. Когда позову, тогда возникнешь.

– Не ори. Ты повелеваешь? Ты бы этого хотел. Но ведь на самом деле ты – никто, – внезапно перебил его не выдержавший Чейтаб.

– Как ты смел? Люди взяли его, – закомандовал Эдирне.

– Не угадал, они со мной. Не так ли? – обращался Чейтаб к здоровенным мордам, осадившим двор дома Дувержала.

– Да, Чейтаб, – прогудели пришедшие с Эдирне и Чейтабом.

Но, не слушая этой перебранки, говорил Дувержал:

– Сын, твоя гордыня застилает твой взор. Дувин, – обращался он уже к другому сыну, – ты же видишь, что твой брат не в себе, с ним случилась беда.

– Да, вижу, уже давно, ещё тогда заметил, когда его глаза поменяли цвет, – отвечал Дувин, на время отошедший в тень.

Вдруг молчаливый Поранко сказал:

– Ещё тогда, когда он сверг меня с трона отца, я понял, что Дувмат или Эдирне окутан тьмой.

Дальше говорил Чейтаб, обращаясь к Эдирне:

– Теперь ты мне не нужен, – и он занёс саблю над Эдирне.

И только сабля, рассекая воздух, хотела распрощаться с Эдирне, как канделябр, поднятый с земли, остановил её полёт. Это был Дувин. Неожиданно снова проснулось братское единство на миг. Как одно целое, они сражались с головорезами, завалившими к ним в дом, пока последний бандит не лежал окровавленный у их ног. Где-то у двери валялся Чейтаб, напоротившийся на свою же саблю. И витавшее под потолком Проклятье Чадры вдруг было уничтожено. Оно поггло, конечно, последствия её сохранились, но оно больше не разъединяло людей, теперь они враждовали только по своей воле.

Гибель Проклятья Чадры сопровождалась сладковатым ароматом, который разнёсся по всему дому. Этот аромат вселял в людей на какие-то минуты понимание, пока не рассеялся со сквозняком. И в одну из этих минут Эдирне осознал, что натворил. Он кинулся к ногам отца и умолял о прощении. И этим он разрушил узы ещё одного заклатья – Пелены Суле. Эта пелена была наложена в тёмном лесу, когда Дувмат искал Ягоды Стюкили. Суле – это было необычное воплощение чего-то. Он искал в человеке порок и своей пеленой усиливал его. Заговорив о «Третьем светиле», он узрел честолюбие в молоденьком Дувмате, потом превратил это в величайшую форму гордыни. Но через мольбы о прощении, через унижение Дувмат смог уничтожить чары Суле. И эта пелена болотного цвета вышла из него и разлетелась на множество маленьких капелек, а ветер развеял её по Миру.

Дувмат снова стал Дувматом. А имя Эдирне сохранилось лишь в многочисленных грамотах, прославлявших Эдирне, написанных при его главенствовании. Теперь царём был избран Поранко, и он продолжил дело отца, выступая за мир, покой и справедливость.

Семья Дувержала всё-таки уехала в Валеран, всё-таки они взяли с собой этих чудесных Ягод Стюкили. Когда-то Гелдоор, теперь Дувержал Вольдеор – «Кричащий о судьбе», возвращался к отцу. Натан и Лантана были очень счастливы видеть сына, внуков и невестку Истеку. Поколение в Валеране сменилось, и редко кто вспоминал о том, что Дувержал был «Горевестником», только какой-нибудь плесневый дед или бабка. А разве их кто слушает?

Прошло ещё много лет. Покой, приходящий к людям в старости, позволял оглянуться назад и оценить оставленный после себя след. След Дувержала был следом доброго человека, и, именно, это приносило тот самый покой.

Дувержалу снился сон.

«Это была весна, такая смутная, нечёткая, где-то далеко щебетали птицы, как-то неясно расцветала земля. Потом было лето. Уже более отчётливая картина. Палящее солнце, зелёный мир, голубые-голубые небеса, счастливые животные резвятся на этом Празднике Природы. Иногда приходит дождик, чтобы утолить жажду земли. Далее осень. Заваленное дерево, облетели листья, засыпав тропинки, потом грязь поглотила листья. Две птицы улетаю в тёплые края, а их родители остаются в гнезде. „Летите, мы здесь перезимуем“, – говорят птицы-родители. Затем пришла зима. Белые деревья спят, спят животные, и весь мир засыпает. И снова весна. Это уже яркая весна. Две птицы вернулись в своё гнездо, но там уже не было их родителей».

Свой сон Дувержал рассказал наутро Истеке. «Мирная картина жизни», – подумали они вместе. На следующий день они уже не проснулись.

«И дал дары человекам»

Много ходило слухов о чудо-пророках, читающих вещие сны. Но в чём обвиняли некогда Дувержала, то породилось через поколение от него. Один из детей Дувмата – Гердаш был необычным мальчиком, по крайней мере, в сравнении с остальными детьми Дувмата, а их, к слову, было у него двенадцать. Дувмату было только пятьдесят восемь лет, когда случилась ужасная трагедия в его жизни. Из всего, что было ему дорого, он не потерял тогда лишь своих детей и жизнь, впоследствии и то, и другое в сравнении с утратой потеряют для него всякую ценность.

Это случилось в горах, куда он отправился со своей женой Реверой и сыном Гердашем, которому было тогда двенадцать лет. Остальные его дети остались в Пусторе – селении близ Валерана, в котором они жили. Кроме них в горы пошёл и его брат Дувин, прозванный Гереосаром (что означает «Подавший руку»), с женой Лепаккой и двумя сынишками близнецами Сином и Крином, которые были ровесниками Гердаша. Дувин, семья которого жила недалеко от Пусторы, оставил дома двух дочерей: Ведину и Альчевину – и маленького сына Турлина, которому в тот день исполнилось три года.

А взяли они с собой своих двенадцатилетних сыновей за тем, чтобы посвятить их в «Макечи» – Воинов Гор, чего когда-то не сделал Дувержал со своими детьми, так как жили они в далёких краях. Воины макечи – это самые уважаемые мужчины и парни на много миль вокруг. Их талисман – это кольцо с жёлтым переливающимся камнем Разолитом – «Солнечным самоцветом», но вправленный в кольцо его уже величают, как Кристалл макечи. Этот Кристалл должен обрабатываться в виде какой-нибудь фигурки. Только мужская половина населения посвящалась в макечи, хотя были исключения. Ведина, дочь Дувина Гереосара, в своё время упростила отца, и теперь она носила перстень с жёлтеньким камнем в виде звёздочки. Альчевина же никогда не увлекалась боями, кланами и клятвами, цветы и книги – вот, что она любила больше всего. Но о детях Дувина Летопись вспомнит позже. Здесь будет сказано о детях Дувмата.

Старший сын Дувмата Лат – это означало «Нахохлившийся голубь»; второй сын Бахия – «Свернувшийся ёж»; далее Стенат – «Улыбающийся олень»; Нуро – «Дремлющий кот». Потом Ревера родила Дувмату трёх подряд дочек, которые не посвящались в макечи. Их звали: Сипелькаа – «Заморская пальма»; Мавриника – «Цветущая акация»; Суписта – «Безмолвная иволга». Следующим был Гердаш – «Рыжий муравей», он не был рыжим, зато радужная оболочка его глаз была оранжевой; девятым же в списке детей Дувмата был Горел – «Горькая польнь»; за ним Коплант – «Зимующий снегирь»; потом Реудат – «Своенравная собака»; последний Бажида – «Зелёный ящер». С каждым именем связана своя история воспетая бардами.

Перстень Гердаша был с минеральным жёлтым муравьишкой – работа хорошего мастера. А Дувин припас сыновьям такие перстни: Сину с камнем в виде полумесяца, а Крину – в виде креста.

Но ужасный белый мрак лавины разрушил все планы. Задержавшийся на минуту в пещере Дувмат пережил своего брата. Он вышел. Там, где было ущелье, по которому они шли ещё вчера, теперь было грязно-ледяное поле. Из семи – он один – это слишком тяжёлое испытание. Наверно, поэтому Высшие Силы толи сжалились над ним, толи были другие причины, и он вдруг услышал детский стон где-то совсем близко. Это был его рыжеглазый сынок. Присыпанный снегом, он лежал неподалёку в кустах, плача от боли: у него была сломана рука. Дувмат возвращался с Гердашем на руках в Пустору, принося горестные вести.

За год после этого случая Дувмат постарел больше, чем за последние десять лет – он ощущал себя на семьдесят. И всё это время Стенат – третий сын Дувмата сидел и переби-

рал слова Гердаша, засевшие в его памяти. Этот разговор случился год назад, накануне катастрофы, произошедшей в горах.

– Стенатушка, а зачем мне идти в эти горы, – испуганным тоном спрашивал Гердаш.

– Ты станешь настоящим мужчиной, братик, – отвечал Стенат, – защитники гор – это великие воины.

– Но я слышал, что в горах опасно, много снега, может задавить людей. Я... Мне той ночью показалось и теперь уверен, что завтра точно так и будет.

– Не говори этого, Гердаш, беду ещё накликаешь.

– Мы с папой не погибнем, не волнуйся, – задумчиво произнёс Гердаш и добавил, – мне показалось.

– Ну, всё, спи, – убаюкивающе прошептал Стенат.

Стенат всё рассказал отцу, но только через год после тех ужасных потерь.

– Да, он в деда, тоже сны видит правдивые, – безразлично заключил Дувмат.

Но ничего от предков на самом деле не передалось рыжеглазому Гердашу. Кроме гордыни, некогда посеянной в душе отца его – Дувмата, обзываемом тогда Эдирне. Конечно, это была не та её крайность, способная давить родную кровь, но высокомерие – могло стать вторым именем Гердаша.

Тот разговор Стената с отцом слышал ещё один человек, как раз Гердаш, тогда-то он вспомнил про деда Дувержала, в свою бытность видящего будущее во снах.

Бедняга Гердаш, как мы уже сказали, в душе был очень тщеславен, но мало кто в доме обращал на него внимание. Все как-то суетились, им было не до него. Так было до трагедии в горах, также всё осталось и после. Если раньше отцу было некогда общаться с сыном, то сейчас ему было вообще не до кого. Мать Гердаша, вот, возможно, что только она замечала своего сына. Он строил домики из песка, показывал ей, а она радовалась вместе с ним, казалось, что искренне. Ах, я же забыл, ещё два маленьких глаза наблюдали за строительством Гердаша. Однажды случилось следующее. Тогда на свет появился малыш Бажида, и он очень сильно заболел, мать не отходила от младенца ни на минуту. А брошенный всеми Гердаш лепил песочные домики и жаждал, чтобы кто-то порадовался этим строениям вместе с ним.

– Мама, – как хвостик, он ходил за матерью, – пойдём, посмотрим, какой домик чудный я сделал.

Но мать отвечала, что ей некогда, что его младший брат сильно болен, и она должна оставаться с ним. Нудный Гердаш не отставал:

– Ну, пожалуйста, – хныкал он.

Шестой день болезни был особенно тяжёлым, Бажида начал задыхаться, не переставая, кашлял, а глупыш Гердаш ползал на коленях за матерью и умолял поиграть с ним в песочнице. Ревера не выдержала и закричала:

– Что же ты пристал? – она быстро побежала к тому месту, где возвышался небольшой кривоватый домик, но в конструкции чувствовалось усердие и аккуратность, присущие его строителю, – мне надоело, вот, – она раздавила ногой этот хрупкий домишко, – наконец-то ты отстанешь, Гердаш.

Рыжие глазки постепенно набухали слезами. За углом плакал ещё один человечек. От самого родного и близкого создания Гердаш никак не ожидал такого.

– Что ты делаешь, – бросился он собирать превратившиеся в россыпь песка башенки, – там же человечки жили, они все, все поумирали там, их засыпало, хоть бы тебя так же засыпало. Да, – его плач перекатился в истерику.

Потом вызвали какого-то знахаря, и вскоре Бажида пошёл на поправку. Но отношения Гердаша с матерью не изменились. Ревера долго извинялась перед сыном, но он не был способен на прощение. Через две недели его мать погибла, и лишь тогда он понял, что лишился единственного человека на земле, который его любил.

Он уже не лепил из песка. Он рос, как отшельник. Эти вспышки ярости у него изредка случались, поэтому братья не часто касались его. Парнем он не пользовался спросом у девушек, так как его рыжие глаза отпугивали их. Он был очень своенравен и эгоистичен, а его ни во что не ставили. Как же он возненавидел этих букашек-людей, которые окружали его. Хотя этот рыжеглазый мальчонка также ни во что не ставил людей, которые не были интересны ему, выходит, он и сам не лучше своего окружения. Однажды Гердаш украл деньги у отца и купил себе дорогие одежды, ходил в них, показывая тем самым потрёпанным братьям-работягам, что он выше их. А те только посмеивались. Помните о старике в лесу, с которым тёмной ночью беседовал Дувмат; помните о той Пелене Суле, которой одноимённый старик одарил Думата и которая разлетелась по всему миру, вселяясь малюсенькой частицей в человека и пробуждая в нём гордыню? Словно семя в плодородной почве эта частица могла прорасти, а в каменистой иссохнуть. Сын своего отца, Гердаш позволил семени гордыни прорасти.

Возможно, вы уже заметили, что слова Гердаша оказывались пророческими, но никакого отношения это к Дувержалу не имело. Хотя рыжеглазому сыграет на руку то, что его дед в своей бытности видел вещие сны. Он стал выдавать себя за ясновидца. Не подумайте, что с легкомысленно брошенного им слова погибла его мать и родственники в горах. Это не слово. Мучительная работа мысли. После того случая в песочнице, когда Ревера растоптала песочные городушки сына, как же мучился Гердаш. Эти проплаканные ночи. Он думал и негодовал. «Она предала меня, мне эта жалость не нужна, пусть себя пожалеет», – чёрные мысли затуманили его глаза. Он строил образы, в голове проигрывал варианты смерти своей матери. Он бился в подушку и кричал, что ненавидит её; опомнившись утром, он ненавидел себя за эти ночные мысли; но всё же он жаждал мести.

Также он не любил дядю Дувина, так как, когда он заходил к ним в дом, то трепал его по голове, подмигивал, чего-то спрашивал. Этого не понимал и не любил Гердаш. Он думал: «Я что щенок? Он меня по голове трепет, нашёлся тут дядька». С дядей у него ассоциировалась и вся семья дяди. Поэтому, когда он узнал о походе в горы с дядей Дувинком, тётёй Лепаккой и их двенадцатилетними сыновьями-близнецами, то автоматически в его гнусные размышления по ночам добавились и эти родственники. Гердаш представлял, как огромной льдиной, несущейся впереди снежной волны, сбивает их всех, а потом навечно накрывает этой снежной крышкой. Но откуда появилась эта сила мысли, способная создавать образы, мозаикой складывающие будущее. Бог наделил его. Тогда не рождалось злых детей. Только внешние факторы могли повлиять на характер Гердаша. Он был не готов и не способен нести бремя дара, он не любил свои глаза, пугающие окружающих и его самого. Он должен был творить Добро. Но сотворил зло, и это не был конец.

За несколько минут до катастрофы Гердаш проснулся в пещерке. У костра сидели Дувин с женой, Ревера и Дувмат. Дувин говорил:

– Да, братик, хороший у тебя сын должен вырасти, он своевольный, не даёт себя в обиду. Макечи – это для него, только я не пойму, почему он всегда такой настороженный и никогда не поддерживает разговор.

Продолжила Ревера:

– А я что учудила – разрушила его трогательный домик, ну, он меня тогда разозлил. Я не выдержала, что ж я так разошлась? Он теперь и разговаривать со мной не хочет.

Это всё слушал Гердаш и плакал. Потом все выходили, Дувмат задержался (он гасил костёр), а Гердаш, осознав всё, кинулся за остальными с криками: «Постойте!» Было поздно. Бесшумный убийца уже ушёл. Маленькой ледышкой зацепило Гердаша, и он упал в сторону и неудачно приземлился на руку. Сошедшая лавина была беззвучна, поэтому Дувмат ничего не слышал. Об остальном повторяться нет смысла.

Прошли годы. Гердаш красуется в цветных одеждах, купленных на украденные у отца деньги. Его братья и сёстры работают в поле: кто пасёт овец, кто полет грядки, Стенат плёл корзину.

– Я здесь, – начал Гердаш, никто не оглянулся.

Только Стенат его слушал, но на него не смотрел. Гердаш продолжил:

– Ладно. Я бы не стал врать. Это невероятным покажется, но мне приснился необычный сон, – слова звучали заученными фразами, но кроме Стената его всё ещё никто не слушал, а Гердаш не смолкал, – Вы все, вся моя родня и отец в моём сне вы целовали мои ноги, – уже внимательно слушали его братья и сёстры, – а Лат натирал мне спину маслом, Бахия махал опухолью, а храбрый Стенат стоял на страже, он смотрел, чтобы никто не подошёл и не обидел меня.

– Ты чего там мелешь? – пренебрежительно произнёс Бахия.

– Повтори ещё раз, что ты сказал, – гневаясь, подошёл Лат, – и я тебе шкуру спущу.

– Эй, Лат, успокойся, – заступился Стенат, – он же шутит, а-то вы привыкли, что он молчит, пускай говорит.

– Говорит, а не заговаривается, – возразили в один голос Сипелькаа и Мавриника, – ноги какие-то ему целовать, прям-таки.

Самолубие у большинства детей Дувмата граничило с гордыней.

– Что можно было расценить в моих словах как шутку? – возмутился Гердаш, – вы сами всё увидите, так будет. Это же не сон... – начал вроде бы он, но опомнился и замолчал. Об этом ему говорить не стоило.

Лат взбесился:

– Я убью эту козьявку.

– Я не желаю вам плохого, но также не хочу для вас ничего хорошего. И мало чего хорошего будет у вас, – вновь говорил Гердаш.

– Так, кто его заткнёт? – отозвался с поля Бахия, – я сам это сделаю.

Стенат недоумённо произнёс:

– Гердаш, ты уже обратил на себя внимание, это всё заходит слишком далеко.

– Ха, я не придумываю, – злорадно смеясь в лицо Стенату, голосил возбуждённый Гердаш, – ты охранять меня будешь ото всех, как и сейчас. Посмотри, они готовы растерзать меня, не могут представить себя униженными предо мной. Но ты не такой, ты милосердный.

Обстановку разрядила, пришедшая на поле Суписта, которая принесла обед.

– Я доделал корзину и ухожу, так что поостерегись, братец, – собираясь уходить, заключил Стенат, обращаясь к Гердашу.

Гердаш остался без защиты посреди поля, начинённого негодующими по отношению к нему людьми, его родными людьми. Даже пятнадцатилетний Горел смотрел с ненавистью на брата, заявляющего о своём превосходстве. Гердашу показалось, что Лат бросился к нему, он развернулся и со страху помчался в сторону полей. Лат же на самом деле даже не шелухнулся, он только крикнул, увидев убегающего Гердаша:

– Беги, малявка, набегаешься, и не такие дебилские сны приснятся.

Не оглядываясь, бежал Гердаш, подгоняемый ветром. Зелёные кусты сплетали перед ним свои лапы, но прорывался через них Гердаш, не взирая на царапины. Не разбирая лесных троп, он убегал. И выбежал на небольшую незнакомую дорогу. Солнце уже покидало небеса. Гердаш оглянулся. Ему было неизвестно, где его дом, и откуда он прибежал. Настоящий страх подкрадывался к Гердашу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.